

Михаил Жирмунский

«Пушкиниана» Владимира Федосеева

СЛОВО ПРОТИВ МУЗЫКИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ пушкинские юбилеи, начиная с 1887 года, не шли на пользу «народной молве» о поэте и не приводили к более глубокому пониманию его личности и культурного значения. Грядущий юбилей Пушкина подвигнул Владимира Федосеева к продуманной, но так и неудавшейся попытке своего юбилейного слова.

Замена чистого музицирования литературно-музыкальной композицией, казалось, открывала сразу несколько возможностей: дать фрагменты сразу из двух опер Чайковского на пушкинские сюжеты, связать их единой пушкинской линией и, наконец, донести до слушателей музыки само пушкинское слово. Казалось, не поверхностен был принцип сочетания музыкальных и литературных фрагментов, избегающий как сюжетных совпадений, так и подбора самих популярных фрагментов. Представление предполагало создать некий новый целостный мир двух классиков одновременно. Ради полноты целого чтение из «Онегина» сосредоточилось в основном на авторских отступлениях (читавшая Алла Демидова вообще начала с посвящения Плетневу). Отделению «Пиковой дамы» придали поэтические начало и завершение («Бесы» и «Элегия»). Публику попросили не прерывать концерт аплодисментами.

Наверное, и до концерта можно было бы порассуждать, насколько возможен успех подобного соединения, в состоянии ли чтение пушкинских фрагментов хоть как-то коррелировать с действием на основе оперной драматургии, а Пушкин, ироничный повествователь своего эпоса, — с Чайковским и его едва ли не переливающей через край душевной драмой. Но в канун юбилея решили отталкиваться от Пушкина и жертвовать Чайковским. Отрывки из глав «Онегина» будто бы прочертили путь самого поэта от начала до конца его «тру-

Владимир Федосеев дирижирует.
Фото Натальи Логиновой

да многолетнего». Зато «поющую письмо» Татьяну оборвали на середине, а вступление к опере, чтобы, видимо, не впасть в контраст с иронией первых строф романа, дирижер решил как салонный лирический отрывок. Таким же «пустячком» еще раз прозвучали первые такты этой музыки в конце.

Две «Пиковые дамы» соединялись, скорее всего, с учетом уроков абсурдистской версии оперы у Юрия Любимова, где повествователь, по Пушкину, сообщал о немецкой расчетливости главного героя, а певец и музыка тем временем от его же имени непротивно клялись в любви. Поэтому у Федосеева в «Пиковую даму» не вошло ни одно любовное признание Германна, всю лирику оперы оставили оркестру, сыгравшему вступление к опере, Лизе, а также отсутствующим в повести Полине и Елецкому. Оттого и потребовалось обрамление в виде «бесовщины» из хорового сочинения Льва Солина и финальной «гармонизации» в виде его же оркестрового переложения романса Глинки «Я помню чудное мгновенье».

Поскольку БСО под управлением Федосеева звучал изумительно, а сам дирижер, мастер оперы, поработал с певцами над свежестью и осмысленностью интерпретации исполняемых сцен и арий (хотя и не в его власти оказалось научить некоторых из них правильному пению), остается сожалеть, что самим операм не нашлось необходимого пространства в этой программе. Непривычно — тихо, строго и значительно — прозвучала баллада о трех картах у Сергея Мурзаева из Большого театра. Виталий Тарашенко, лучший московский Герман 90-х, в концерте оказался далек от драматической выразительности своих сценических прочтений. В чтении Аллы Демидовой, одной из немногих актрис, умеющих сыграть аристократизм, задела подмена нескольких слов в пушкинских строках, но она все же вполне сумела донести до зала доставляемое ими удовольствие и придала концерту некоторую цельность.